

стве с ребенком. Отцы в ситуации конфликта с женой демонстрируют попустительский стиль отношения к ребенку, фактически устранившись от воспитания.

СВЯЗЬ ОТНОШЕНИЯ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И СЕМЕЙНОЙ ТРЕВОГИ

М.А. Чумакова

г. Москва

chumakova.mariya@gmail.com

Процесс целеобразования является ключевым для понимания механизмов трансформации объективной неопределенности ситуации в субъективную, так как именно цели объединяют в себе субъектный и предметный уровни регуляции деятельности. В процессе принятия внешних требований ситуации и их превращения в цели деятельности важную роль играет целевой контекст, представляющий собой совокупность объективных и субъективных условий задания и принятия цели. К объективным компонентам целевого контекста взаимодействия субъекта с неопределенностью можно отнести ее онтологический источник (внешние обстоятельства, другие люди, недостаточная осознанность собственных критериев выбора). Субъективная неопределенность может рассматриваться как результат решения когнитивной задачи по определению источника неопределенности и конструированию образа ситуации (Чумакова, 2013). К субъективным компонентам формирования целевого контекста можно отнести отношение к неопределенной ситуации как угрожающей, нейтральной или создающей благоприятные возможности самореализации (Greco, Roger, 2001; Grenier, Barrette, Ladouceur, 2005). При этом предполагается, что разница оценки неопределенности может быть связана с релевантным прошлым опытом, установками, убеждениями, а также индивидуальными диспозиционными особенностями интеллектуально-личностного потенциала человека (Чумакова, 2013). Сочетание субъективного образа источника неопределенности и его оценки создает целевой контекст взаимодействия с неопределенностью, проявляющийся в стратегиях избегания или принятия, стремления. Мы предполагаем, что именно различие целевых контекстов преодоления неопределенности фиксируется в современной литературе дихотомией понятий толерантности/интолерантности (ТН/ИТН) к неопределенности как измеряемых устойчивых личностных характеристик.

В современных исследованиях генерализованного тревожного расстройства показано, что интолерантность к неопределенности (intolerance of uncertainty) является центральным конструктом, объясняющим возникновение страхов (Gosselin, Ladouceur, 2001; Grenier, Ladouceur, 2004; Grenier, Barrette, Ladouceur, 2005). При этом согласно существующим моделям расстройств аффективного спектра предполагается, что в качестве одного из факторов, влияющих на манифестацию расстройств (в том числе генерализованного тревожного расстройства), выступают дисфункции структуры, микро- и макродинамики и идеологии семейной системы (Холмогорова, 2006).

Основываясь на представлениях о семейном контексте расстройств аффективного спектра, мы можем предполагать, что особенности функционирования семьи (например, табуированность темы чувств и переживаний, тревожный стиль воспитания и т.п.) могут оказывать влияние на вероятность оценки субъектом ситуации неопределенности как угрожающей (модель: специфика семейной ситуации → страх неопределенности (как отношение) → интолерантность к неопределенности (как устойчивая характеристика) → тревожное расстройство).

В нашем исследовании мы рассматриваем один из аспектов семейной системы – семейную тревогу, при этом полагаем, что переживание семейной ситуации как непредсказуемой, напряженной и небезопасной может быть связано с интолерантностью к неопределенности, а также проявляться в сниженных показателях эмоционального интеллекта (как отражения понимания своих эмоций и эмоций других людей).

В исследовании приняли участие 47 чел. в возрасте 17–21 года (38 девушек и 9 юношей). Были использованы опросник эмоционального интеллекта (ЭМИн) Д.В. Люсина (Люсин, 2006), шкала Д. МакЛейна MSTAT-1 в адаптации Луковицкой (Луковицкая, 1998), опросник «Анализ семейной тревоги» Э. Эйдемиллера и В. Юстицкиса (Эйдемиллер, Юститкис, 2001). Корреляционный анализ измеренных психологических переменных позволил установить следующие связи:

Толерантность к неопределенности отрицательно связана с семейной тревожностью, семейной напряженностью и общим уровнем семейной тревоги ($r = -0,40, -0,34$ и $-0,38$ соответственно). То есть можно утверждать, что чем более высокий уровень семейной тревоги и напряженности ощущает человек, тем более он интолерантен к неопределенности и соответственно с большей вероятностью оценивает неопределенность как источник угрозы и опасности.

Все шкалы опросника семейной тревоги (вина, тревожность, напряженность, общий уровень семейной тревоги) отрицательно связаны с осознанием своих эмоций ($r = -0,51, -0,62, -0,70$ и $-0,67$ соответственно) и внутриличностным эмоциональным интеллектом ($r = -0,41, -0,59, -0,49$ и $-0,54$ соответственно). При этом тревожность и общий уровень тревоги связаны отрицательно с управлением своими эмоциями ($r = -0,50$ и $-0,42$ соответственно). Следовательно, высокий уровень семейной тревоги обусловлен невозможностью осознать и управлять своими эмоциями и снижением общей доступности собственной эмоциональной сферы. С показателями межличностного эмоционального интеллекта связей обнаружено не было, что позволяет предположить избирательную направленность возможного влияния семейных факторов на компоненты эмоционального интеллекта.

Таким образом, в проведенном нами исследовании на условно нормальной выборке, члены которой не страдают расстройствами аффективного спектра, были установлены предполагаемые связи между семейной тревогой и интолерантностью к неопределенности. Данные результаты позволяют выдвигать дальнейшие гипотезы о механизмах становления отношения человека к неопределенности и формированию установок в ее оценке.

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЛИЧНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ СО-БЫТИЯ С ДРУГИМ

Р.М. Шамионов
г. Саратов
shamionov@mail.ru

Исследования субъективного благополучия личности в последние десятилетия в значительной степени расширились. В зарубежных изданиях идет оживленная дискуссия относительно различных его составляющих и особенностей в разных обстоятельствах индивидуальной жизни и групповых (межгрупповых) отношений. Усиленный интерес к этому явлению сегодня связан с рядом объективных обстоятельств, среди которых ведущее место по праву занимает расширение бытийных пространств личности, а также противоречивая динамика «ощущения счастья», которое ускользает вместе со смысловой определенностью.

Субъективное благополучие – своего рода внутреннее мерило, критерий и регулятор бытия субъекта, в котором сходятся его цели, программы и их реализация. Поскольку человек – существо социальное, обладающее личностью, его цели и сценарии жизни обеспечены всей историей существования человечества и взаимодействием с Другими в микро- и макросоциуме в репрезентированном им виде. Поэтому субъективное благополучие всегда связано с социальными установками, представлениями, долженствованиями и другими характерными для социализированного существа явлениями. Будучи субъектом бытия, личность способна интегрировать множество собственных проявлений и объективных обстоятельств своей жизнедеятельности. При этом, несмотря на определенные различия эмоционально-оценочного отношения в реализации себя в различных бытийных пространствах, имеются инвариантные составляющие, обеспеченные эффектами социализации. Изучение субъективного благополучия личности осложняется ввиду сочетаемости этих переменных – достаточно устойчивой стратегии оценки (атрибуции причин и результатов бытия) и собственно бытийных отношений, обеспеченных субъектной позицией (уровнями субъектности), субъектными свойствами, рефлексивными механизмами и т.п. Между тем имеются и определенные трудности в соотнесении бытийных пространств субъекта и целостного бытия, поскольку первые не могут быть признаны равнозначными (равноценными) для субъекта и в разной степени определяют психологическую картину субъективного благополучия. Его целостное переживание и дискретные значения могут в значительной степени расходиться. Из сказанного следует необходи-